

ЛитКлуб «Добро»

Проза

2017 год

Александр И. Новиков

Проза. 2017 год

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26905165

ISBN 9785448582530

Аннотация

В сборнике представлены произведения очень интересных авторов-прозаиков, публикующих свои произведения на портале «ЛитКлуб „Добро“».

Содержание

Flamme	5
Любка	5
Музей сердца	24
Осеннее	30
Светлана Андреевна Демеева	32
Пять минут до закрытия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Проза

2017 год

Редактор Александр И. Новиков

ISBN 978-5-4485-8253-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Flamme

Любка

О тебе я хочу думать. Думаю о тебе.

О тебе не хочу думать. Думаю о тебе.

О других я хочу думать. Думаю о тебе.

Ни о ком не хочу думать. Думаю о тебе.

Л. Озеров

Сумасшествие? Нет. Любовь. Та самая, единственная и неповторимая, яркая и трепетная, о которой мечтают все женщины, и на которую все меньше способны мужчины. Увы, «рыцарство печальных Сирано» все больше становится уделом женщин. Только, чур, говорю о просто женщинах, которым нужна старинная прелюдия к любви, как к таинству, как к чуду, а не следование доктринам: «Скорей, скорей, скорей! Сама, сама, сама!» и «Вы привлекательны, я чертовски привлекателен, чего зря время терять?!» Нет, я о тех женщинах, о которых четко и точно сказала Цветаева: «Девчонке самой легконогой все ж дальше сердца не уйти». Как в воду глядела гениальная Марина. У мужчин все же много страстей: наука, идеи, политика, служба, работа, а в корне всех страстей – честолюбие. А Женщина, опять же повторяю – Она, а не бесполое Оно – вся живет любовью и для любви.

В этом она вся, как послушная бабочка чутко и нервно летит на ее свет, танцует в нем, покоряется, и зачастую сторает...

В самом деле, разве красота, богатство, талант или власть покоряют женщину? Ничего подобного! Ничто так не действует магически на нее, ничто так не наполняет ее внутренним светом и ощущением собственной женской сути, как страстное напряженное желание мужчины обладать ею. Она может отфыркиваться от этого, ханжески потуплять глаза, притворно негодовать, но – все мы дочери Евы! – и уже наша кровь отравлена, мы жаждем мужского поклонения и вождения. Не грубого обладания, разумеется, простите, не гоп-стопом, но постоянной, натянутой нити желания. «Любит тот, кто безумней лобзает», – воскликнул когда-то Надсон и был прав. О-о-о!!! Это наполняет нас силой, уверенностью в собственной неотразимости, постоянной желанности. Отними у женщины это ощущение, и... разом потухнут глаза. Все останется на месте, но глаза потухнут. А без огня в глазах даже самое безукоризненное лицо и совершенное тело – всего лишь безжизненная статуя.

Особенно чутки женщины возраста ночной фиалки. Лекции о «бабьем лете» и буйстве гормонов оставим для физиологов. Нет, я о том прекрасном времени, когда все чувства опалены и звенящи. Когда перед сентябрем неизменно есть ослепительный август. Август ночной фиалки или любви, как называют этот цветок в народе. Ни одному цветку не удастся так пробуждать молодые силы и нежные чувства,

как ее скромным белым свечечкам.

Я знала такую «любку»! Не было в моем окружении женщины щедрее и ярче нее!

Она была близкой подругой моей матери. Та называла ее «Эльза – 33 несчастья». Каждый ее визит для нас был счастьем и бедой. Меня она осыпала вкуснейшими в мире шоколадными конфетами с миндалем и грецким орехом, тающим во рту мармеладом и замечательными игрушками. Особенно запомнилась кукла, которая открывала рот для пластмассовой каши, но отказывалась от пластмассового же молока! Эту фарфоровую, в розовом платье и сером фартуке куклу Катарину у меня потом украли, и до-о-олго я поминала вора дурным словом!

Маму Эльза заваливала какими-то кофточками и баночками с дорогими консервами. Это было счастье. Вывалив все дары и насладившись нашими ахами, она скульптурно усаживалась на оттоманку и начинала рыдать. Рыдала она долго и с переливами, и это было бедой.

В личной жизни Эльзе не везло. Она всегда боялась одиночества, всегда мечтала о счастье, но эти мечты не торопились воплощаться. С завидной последовательностью ее оставили два мужа. Рассказывая о них, она почему-то всегда прибавляла поговорку «первым не наешься, вторым подавишься». Меня это веселило до чрезвычайности. Я так

и представляла себе вкуснейшего жирненького первого, чьи мосольчики обсасывались, видимо, с большим удовольствием, и анемичного жилистого второго, застревающего в горле. Почему о первом надо было вспоминать с таким трогательным придыханием, мне до сих пор непонятно. По приглушенным ахам и вздохам и утешениям мамы я догадывалась, что он бил ее смертным боем, и «...ты не представляешь, не представляешь, что он заставляет меня делать!» При этих словах мама отвешивала мне подзатыльник и выдворяла из комнаты, накрепко закрыв дверь. Мне было семь лет, я была ребенком с фантазией, но, слава Богу, мои предположения были безумно далеки от правды.

В конце концов Эльзе улыбнулась удача: муж, жаждущий изощренных утех, нашел себе достойную партнершу – не упрямыцу, не скрытницу, не скромницу, и быстро сделал из семьи ноги. Единственный их с Эльзой ребенок – мальчик, родившийся на четвертый год брака, умер от менингита в трехмесячном возрасте. Больше детей не было. Эльза поплакала, вздохнула, опять поплакала и... ожила.

Второй появился в ее жизни внезапно и... ошеломил. Вообще, этого второго мужа мама называла «темной лошадкой». Каким образом и зачем он заглянул в скромное КБ на четвертом этаже обшарпанного здания, где она работала, покрыто мраком забвения. Но Эльза была сражена! Она летала и рыдала, рыдала и летала! Промежуточного состояния не было. Но именно с этим мужчиной ее жилище ста-

ло настоящим домом. Эльза оказалась хлебосольной хозяйкой. Никогда не забыть мне вечера, на который приглашены были мы с мамой. Низенький стол, толстые витые свечи, бутылка вина, кекс в виде сердца и блестящая желтая черешня в зеленой вазе. И Эльза в красном шелковом платье. Ее горящие глаза. Полуулыбка влажных губ. И маленькие белые руки, которыми она так и норовила дотронуться до своего ненаглядного. Жилистый, маленький, заросший до самой шеи рыжим волосом, он хмурился, покашливал, подливал дамам вина, а мне сок. В конце концов, под песни Джо Дассена вечер стал настолько томным, что мы поспешили ретироваться. Он вызвался проводить нас, но мама, видя в зеркале, как Эльза украдкой обняла его и поцеловала в затылок, улыбнулась и сказала, что дойдем мы сами.

Этот второй оказался крепким орешком. Эльза стала приходить реже, поток подарков иссякал. Кукла Катарина сиротливо пылилась в шкафу – мое десятилетнее сердце жаждало новых даров.

Они стали поступать через восемь месяцев. Первым подношением стал роскошный черный виноград в плетеной корзинке. Тугие, сизые, полные жизни гроздья так не вязались с исхудавшей Эльзой, что мама без слов обняла ее за плечи и усадила на оттоманку.

– Я несчастна, Оля! – успела сказать Эльза, и тут же поток рыданий, икоты и всхлипов прервал ее слова.

Из сбивчивого рассказа, запиваемого валерьянкой, следо-

вало, что: второй оказался: а) деспотом; б) тираном; с) монстром; д) скупердяем; е) первым, вторым, третьим и четвертым одновременно! Он не разрешал Эльзе работать, контролировал каждую копейку и требовал, чтобы она представляла чеки из всех магазинов. При этом был страшным грязнулей, увлекался выпивкой и заставлял, чтобы Эльза постоянно ходила или в красном, или в тигровом! «Я не могу, не могу так больше, Оля! Мне кажется, что я это не я, а какой-то окровавленный Шерхан!»

Наконец, Эльза нашла в себе силы и выставила его из дома. Гладко сей акт не прошел. Деспот и тиран несколько раз ставил ей фингал под глаз, ночевал на половичке перед дверью, и в середине ночи соседи трезвонили Эльзе, чтобы она или забрала своего Мусечку в дом, или отвезла его куда-нибудь. За страстными ссорами следовали такие же страстные примирения, потом опять ссоры. В конце концов, Муся исчез так же бесследно, как появился. Расписаны они не были, так что обошлось без юридических проблем.

– А-а-а-а! – раскачивалась Эльза на оттоманке. – О-о-о! Фар вос! (За что?) В минуты наибольшего волнения она переходила на идиш. Темными волнами этот язык всплывал в ее подсознании и протягивал невидимые нити к родным по материнской линии, к полузабытому детству к бабушкиным песням.

– Эльза!!! – мама звякала чашкой с чаем так, что брызги разлетались по столу. – Возьми себя в руки! Тебе только 40.

Какие твои годы?!

Какие твои годы... У большинства из нас на лбу аршинными буквами написано: «Хочу счастья!» и только у некоторых, как исключение, нежностью мерцает фраза: «Хочу дарить счастье!» Эльза не была исключением.

Через восемь лет счастье услышало ее. Тогда-то я впервые услышала от мамы слово «любка».

Эти восемь лет Эльза прожила кочевницей. Она меняла жилища, как меняют чулки. Продав свою квартиру, она купила новую, начала делать в ней ремонт, не закончила, продала. Купила другую, опять ремонт, пыль, рулоны обоев, штукатурка, вещи, наваленные в углу. За восемь лет она сменила шесть (!!!) квартир. Вечный ремонт, из постоянной мебели только раскладушка да старинная ширма, разрисованная веерами и листьями. Креслами служили мешки с трухой и опилками, стульями – перевернутые ящики. Знакомые сначала шутили, потом ворчали, говорили, что у дровосека-бобыля в избушке уюта больше чем у нее, предлагали помощь, деньги, мебель. Бесполезно! Эльза бежала от уюта как от дикого зверя. Сейчас мне кажется, что она поступала правильно. Как могла. Уют – состояние души и стремление к нему, а у нее не было ни того, ни другого.

И «вдруг, как в сказке скрипнула дверь».

История их знакомства была покрыта тайной. Версии были различны, но больше озвучивалась одна: на пляже. Эльза была хорошо сложена, с желтовато-белой кожей, гладкими черными, словно лакированными волосами. Не портили ее чуть выпирающие зубы и плоские мочки ушей, будто приклеенные к голове. Более всего хороши были глаза: удлиненного разреза и необычного фиалкового цвета. «Такие глаза в мире только у двух женщин, – говорила мама, – у Элизабет Тейлор и у тебя.» Сравнение с Элизабет льстило Эльзе, всегда у нее на стене висел портрет актрисы в роли Клеопатры.

Что произошло на пляже, что произошло после пляжа – трудно сказать. Но 48-летнюю потухающую Эльзу закружил, смял, заморозил вихрь страстей. Даже не вихрь – вулкан, огнедышащая лава! Без того худощавая, она еще больше постройнела, глаза не просто вспыхивали и горели, а светились постоянным внутренним огнем, она пламенела дивной и страшной красотой предувядания.

Олегу было 29. Шатен с узкими зелеными глазами. Актер местного ТЮЗа. Когда вышел из возраста четвертого дерева и пятой кикиморы в «Аленьком цветочке» и «Царевне-лягушке», стал играть Д'Артаньяна и пирата Джона Сильвера. На момент знакомства с Эльзой эти два персонажа кристаллизовались в нем и выдали миру коктейль чего-то безумно отважного и обаятельно-циничного. Самоуверенного. В общем, того, что безотказно действует на жен-

щину. Семьи у него не было. Жил он в маленькой съемной квартире на окраине города.

Несколько глубоких взглядов и искренней задушевности, подействовали на Эльзу опьяняюще. Через несколько недель он переехал к ней. Они стали жить вместе.

Эльза была прекрасна. Никогда раньше она не цвела так ослепительно. Глядя на нее, язык не поворачивался подумать и сказать что-то плохое. Хотелось, чтобы это состояние продлилось у нее как можно дольше. Мама осторожно крестила ее вслед, когда она, уходя от нас, не сбегала, а слетала по ступенькам. Все сомнения мамы: «Он же молодой, прощелыга, он же поиграет с ней и бросит, еще и в квартире ее пропишется», – повисали у нее на языке. У Эльзы были такие струящиеся счастьем глаза, что все слова казались бессмысленными и беспощадными.

Скромница в первом браке, осторожная и деликатная женщина во втором, сейчас она будто наворачивала за всю свою недолюбленную жизнь. Запаленные кони страсти гнали и гнали ее к последнему пределу. Казалось, она нашла то, что невольно искала всегда. Кочевница обрела Дом. Рыдания прекратились. Были только слезы радости и беспрестанное «тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить бы!»

О-о-о, какие сыпались на нас в это время подарки! Шарфы, кофточки, сувениры, духи и конфеты, конфеты, конфеты... Сладкая вуаль счастья. Да, Бог с ними, подарками! Какими лучистыми словами она обволакивала всех окружаю-

щих. И не только окружающих! Нежностью своей она не обделяла ни бездомных кошек, ни блохастых собак, ни травинку, ни камень. А уж для единственного любимого Олеженьки сколько выдумывалось ласковых имен! Аленький мой, Аленький, Легонький, Леженька-Неженька, Олегушка, Ольгушевич и даже Оле-Лукойе!

Ее ласка была фонтаном! Когда она забегала к нам и с размаху усаживалась на оттоманку, мама уже не говорила ни слова. Молча ставила перед нею чай и слушала. Чай или стыл нетронутым, или же мгновенно отхлебывался кипятком, так что обжигал ей все небо, но на поток слов это не влияло. Никогда в жизни я не слышала столько восторженных эпитетов. Обнаженное сердце трепетало в каждом из них.

– Ты знаешь, Оля, – шептала она, – знаешь, что он мне подарил?! – она наклонялась над ухом матери и шептала ей что-то. Мама улыбалась и бормотала: «Дай Бог, дай Бог!» Потом Эльза шептала еще что-то, мама краснела, опускала глаза, и махала на нее рукой. Вообще этот шепот на ухо и мамино залитое краской лицо повторялись с четкой периодичностью. При этом глаза у обеих загорались мгновенно.

– Эльза, ну ты любка! Смотри, не сглазь! Не надо так часто об этом рассказывать, – сказала однажды мама.

– Ну, я же только тебе!

– И мне не надо! От греха подальше. Мало ты в жизни мучилась?! Нашла – молчи и потеряла – молчи!

– Да ну тебя, бабка-кликуша! Оленька моя!!! Так хоро-

шо!!!

– Любка ты, любка!

– Ага! И мне это очень нравится! И ему тоже!

– Кто бы сомневался!!!

Эльза с хохотом валилась на оттоманку, а потом начала целовать нас мамой.

– Да пусти ты, сумасшедшая! – отбрыкивалась мама. – Ну точно, совсем сдурела!

Но Эльза уже стояла в дверях, сияла пунцовой помадой, искрилась.

– Все! Пока-пока! Я убегаю! Скоро Аленький с репетиции придет. Такая ответственная роль у него. Представляешь, они ставят «Алые паруса». Он играет матроса Летику. Все, я побежала мужа кормить!

– Летику! – усмехалась мама, закрывая дверь. – Ответственная роль! А чего же Грея ему не дали? Хорошо еще, что не пятое весло и не восемнадцатый парус играет! А, да ладно, лишь бы она счастлива была.

Мне тогда было 17. Я оканчивала школу, считала себя взрослой и позволила себе спросить:

– А как ты думаешь, это у них надолго?

Реакция моей строгой матери, вырастившей меня без отца, была на удивление растерянной и жалкой:

– Не знаю, Софинька (так ласково называла меня только в раннем детстве). Нет, наверно.

– А что будет тогда? – я от неожиданности присела.

– Боюсь я. Лишь бы все было бы тихо. Любка она, а это плохо. И жизнь как-то шиворот-навыворот сложилась. Ни ребенка, ни котенка, ни мышонка. Бесприютная она.

– Как это: любка?

– А вот так...

И тогда я впервые услышала от мамы о ночной фиалке – любке. О том, что растет она в чаще леса и ночью заливает поляны одуряющим любовным ароматом. Много говорить мать не любила и сунула мне в руки книгу Пришвина. На отмеченной странице я прочла:

«На мое чутье у нашей ночной фиалки порочный запах, особенно под конец, когда исчезнут все признаки весны и начнется лето. Она как будто и сама знает за собой грех и стыдится пахнуть собой при солнечном свете. Но я не раз замечал: когда ночная красавица потеряет первую свежесть, белый цвет ее потускнеет, становится желтоватым, то на этих последних днях своей красоты она теряет свой стыд и пахнет даже на солнце. Тогда можно сказать, что весна этого года совсем прошла и такой, как была, никогда не вернется.»

– Поняла? – спросила мать, когда я захлопнула книгу. – Она – любка!

...Прошло еще несколько месяцев. Эльза забегала к нам, закидывала подарками, болтала без умолку. Фиалковые глаза струили счастье.

Тот сентябрьский день я помню очень хорошо. Эльза забежала к нам. Руки ее были оттянуты кошелками. Она возвращалась с рынка.

– Оля! – крикнула она. – Смотри, какую я рыбу купила! И вам, и нам! Она вывалила на стол в кухне серебристую большую рыбину. – Это жерех. Свежий! Только сейчас привезли. Я взяла две!

– С ума сошла! – мама всплеснула руками. – Зачем? Спасибо! Подожди! – и полезла в кошелек. – Сколько ты отдала за него?

– И не думай! – завопила Эльза. – Не возьму ни за что! Ты что, хочешь меня обидеть?! Вот я сегодня рыбки нажарю, мы с Аленьким поедим, а мне будет приятно, что вы тоже рыбу едите.

– Да ты совсем уже со своим Аленьким! – мама вздохнула и улыбнулась.

– Оля, я еще ежевику взяла! И груши. Пирог буду печь. Олечка ежевику любит. Я и варенье сварю.

– Хорошо, хорошо! Беги! Осторожно только!

Мама закрыла дверь и посмотрела на стол. Рыбина тускло блестела чешуей, и оскал ее был хищным.

...Испекши пирог и нажарив рыбы, Эльза решила прогуляться в сторону театра, чтобы потом вместе с Олегом вернуться домой. Светлыми и ясными были глаза у этого дня. Такие, полные притворной ясности, глаза бывают только у лгунов.

...Эльза идет быстро, высоко подняв голову и чуть улыбаясь. Ажурная сиреневая кофта свободно течет от ее шеи к плечам, к углублению матовых грудей, переходит в пояс на фиолетовой юбке. Маленькие туфли-лодочки с открытым мыском. Светлые колготки. Фиалковые глаза чуть прикрыты и оттого кажутся бархатными. Она идет к своему любимому, желанному, чтобы потом прижаться к его локтю и вернуться вместе домой.

Цок-цок-цок... Каблучки стучат!

Коричневая дверь театра. Служебный вход. Охранник знает ее, улыбается и пропускает.

Лестница на третий этаж. Мужские гримерки.

Эльза улыбается и толкает белую дверь с табличкой «Ма-зурин. Соловьев» Гримерка одна на двух актеров.

Дверь не заперта. В гримерке на столе ее Аленький и молоденькая актриса делают «семнадцатый трюк – шпагат орла». Мюзикла Чикаго тогда не было, но эти фигуры были всегда.

Эльза осторожно прикрыла дверь. Выдохнула. Тихо пошла вниз. Вначале она ничего не слышала и не видела. Кажется, никого не встретила. Кивнула охраннику и вышла на улицу.

...Такой светлый день. С притворной ясностью, которая отличает глаза лгунов. Смеются маленькие дети. С деревьев нежно падают листья. Один, другой, третий...

В мозгу отчетливо всплывает картина. Стол с отодвину-

тыми коробочками грима, запрокинутое в зеркало молодое девичье лицо, раскинутые стройные ноги и спина ее Аленького...

Ландыш, ландыш белоснежный,

Розан аленький!

Каждый говорил ей нежно:

«Моя маленькая!»

Что было потом, я помню со слов мамы. Кажется, обошлось без скандалов. Олег не стал отпираться, сказал, что давно любит эту актрису, они думают пожениться, собрал вещи и переехал к ней. Вроде он в самых искренних выражениях поблагодарил Эльзу за счастье, которым она его дарила. Мама, рассказывая об этом, неизменно отплевывалась и цедила: «Акт-т-тер!», вкладывая в третью букву все свое презрение.

Эльза была спокойна, как может быть спокоен человек, у которого сожгли душу. Взгляд ее был светел, но мама говорила, что лучше бы ей видеть Эльзу снова рыдающей, смеющейся, болтающей без умолку, и утомляться от этих бешеных смен настроения, но не такой тихой.

Мама и другие знакомые навещали Эльзу по очереди, звали к себе. Она со всеми была равна, вежлива и даже улыбочива. Но всякий, выходя от нее, давал себе слово не спускать с нее глаз.

– Слишком много воли им дали! – ворчала старая соседка.

Без этого непременно атрибута дворовых посиделок, знающего все обо всех, не обошлась и жизнь Эльзы. – Подумаешь, мужик бросил! А чего ты хотела?! Молодой же! На себя в зеркало бы посмотрела! О душе давно надо думать, а она юбки-кофточки напялила, подмазюкалась и идее-е-ет! Тьфу!

Спорить с ней было бесполезно, но мама после этих слов принципиально с нею не здоровалась, хотя возраст всегда почитала.

Эльза умерла внезапно, на переходе. Понесла два баула своих вещей, половина из которых была новыми, в детский дом. Вещи ее были яркими, нарядными, она хорошо шила и вязала.

В тот декабрьский день она была одета в черную шубку и черные же полуботинки. Остановилась, пережидая поток машин. Заметила, что молния на одном ботинке расстегнута. Нагнулась закрыть и уже не поднялась. Оторвался тромб.

Пока вызывали скорую и милицию, ее уложили на тротуаре. Нетающие снежинки опускались на белое лицо, на фиалковые прекрасные глаза. Их так и не смогли закрыть, и они медленно тускнели.

Потом ее увезла скорая, началось разбирательство, выяснилось, что близких родственников не было, вызвали знакомых, подруг. Из своего КБ она давно ушла, еще во времена Мусечки, подрабатывала шитьем, вязанием и репетитор-

ством по математике.

На похоронах собралось много народу. Знакомые, соседи, ученики, их родители, клиентки, которым она шила платья. Аленький не пришел. Возможно, не знал, или намеренно не пришел.

– Эленька моя! – надрывалась мама. – Эленька-а-а! Подружка моя единственная!.. – Ей вторили и другие. Жаль было Эльзу. Любили ее...

Похоронили ее на старом кладбище рядом с родителями. Соорудили маленький железный крест с табличкой. На табличке имя, отчество и фамилия, две даты. Все как полагается. Снег вскоре укрыл могилу.

Весной мы с мамой пошли на кладбище навестить ее. Апрельская земля растрескалась, и ее покрыли легкие синие цветы. Их были сотни. Головки их качались на ветру, кланяясь Эльзе.

– Вот и синяя птица твоя прилетела, Эленька, – сказала мама и заплакала.

Я вспомнила, что всякий раз Эльза, рассказывая о новой любви, говорила о синей птице счастья. Эту пьесу Метерлинк она очень любила.

– Ты представляешь, Оля, – говорила она с придыханием, я все же поймала свою синюю птицу! Она со мной!..

Яркое апрельское солнце освещало могилу.

Яркие синие цветы. На них атели принесенные нами гвоздики.

Яркие, яркие, яркие...

Не было в моей жизни женщины щедрее и ярче...

Музей сердца

...и ступайте тише. Говорите вполголоса. Вы в музее человеческого сердца. Начнем осмотр? Не бойтесь, это не анатомический театр, это всего лишь путешествие внутрь души...

Вон, справа от вас самый интересный экспонат. Красно-коричневое сердце. Видите, какое оно большое, беспокойное. Бурлит даже в колбе! Это сердце женщины, которая всем и всегда желала только добра. И делала только добро. Она была очень хорошей сестрой, женой, невесткой, матерью. Никто и никогда не мог обвинить ее в равнодушии. Когда брат полюбил молодую женщину с ребенком, она потеряла сон и покой, чтобы не допустить несправедливого брака. Сколько крови и сил ей это стоило, сколько нервов! Бедная женщина! Но старания ее увенчались успехом, брат ее женился на непорочной девушке с хорошим приданым. Дальней родственнице. Она сама ее сосватала! Не жалела ни ног, ни языка, сколько порогов обегала, сколько увещевала, уговаривала, чтобы только отвести брата от постыдной связи! Брат послушался. Он правда, потом прожил не совсем счастливую жизнь, да и та молодая женщина так и осталась обездоленной, но это мелочи. Главное, он растил своего ребенка, а не кормил чужого, и имя семьи не было замарано. А все сделала она, да и кто же еще порадеет, если не родная сестра...

А кто как не она выдавала замуж племянниц, женила племянников, присматривала невест и женихов детям родственников и знакомых, давала советы кому и сколько иметь детей, что носить, и куда ходить. Многие потом, правда и на порог дома ее пускать не желали, да, и многие союзы, состряпанные ею, распадались, но это мелочи.

А уж как было обидно, когда одна из подружек, в сердцах выкрикнула ей:

– Сволочь ты! Что ты ко всем цепляешься, в каждой бочке затычка!

У нее аж сердце захолонуло от несправедливости!

– Да, если бы не я, вы бы все здесь давно пропали! Как слепые кутята! Я же хочу, чтобы хорошо было. Меду хочу насыпать, а вы нос воротите! Да и ты... хороша! Вот где ты видела, чтобы аквариум вмуровывали в стену? У всех – все по-людски, всё как полагается, а тебе аквариум в стене понадобился! Все с вывертами хотите!

– Да оставь ты людей в покое! Занимайся своим делом, своей жизнью, своими детьми. Не мешайся ты к людям, ради Бога!!!

– Но я не могу! – простодушно сказала она. – Тогда я просто умру.

И это была правда. Она действительно не могла не лезть в чужую жизнь. Такое уж было у нее большое, заботливое сердце. Не могло оно биться только для себя. Ну, а то, что есть при этом такие понятия, как такт, деликатность и вни-

мательная осторожность, неважно... Это же мелочи...

Умерла она одна в своем доме. И до последнего дня сетовала на «гадину» невестку, которая «отвернула» от нее ее родного мальчика. «А что я им плохого делала?! Только все хорошее! В шкафу у этой неряхи вечно беспорядок, придуберу. Детей черт знает чем кормит, а у меня, что, сердце не болит?! Это же мои внуки, моя кровь! Так, нет, ей и слова не скажи! Другая бы сказала: «спасибо, мама, что научила, подсказала», а они – нет, все по-своему норовят сделать! И как не позвоню, чтобы прийти, они то гулять собрались, то на выставки, то на концерты. И детей с собой тащат, а маленьким много надо? Инфекции полно – они же заболеть могут, так нет же, кто маму слушает?! А этот подкаблучник только под ее дудку пляшет, конечно, кто я теперь такая?..

Впрочем, и «поганцу» -зятю доставалось от нее немало. «Дура-дочка ишачит на него, весь дом на ней, а он после работы только на диване,, ни платья хорошего, ни туфель ничего нет, а она любит его как дура. За что любить? И еще защищает, когда я ему выговариваю. Другая бы кинулась как кошка, глаза бы ему выцарапала, сказала: «это мама моя, как ты смеешь к ней без почтения», а она молчала! Конечно, кто я теперь такая, когда он есть?..

Бедная женщина! Нет, несправедлива жизнь! И за что только ей такая судьба, ведь она всем желала только добра. А кто обращает внимание на мелочи, когда одержим идеей добра и чтобы все было как надо?..

Вы, я смотрю, утомились. Ну, хорошо, перейдем к другому сердцу. Нет, смотрите чуть выше. Левее. Да, вот это темно-коричневое, Нет, это не старик и не старуха. Это был человек средних лет, очень положительный, очень обходительный. И такой нежный был, чудо, а не человек. И людям помогал – выручал их деньгами в трудную минуту. Деньги правда, в рост давал, но под терпимые проценты, так что и сам Бог не обиделся бы... И во всем любил порядок. Просрочка платежа – это непорядок. Приходилось принимать меры. А как иначе? Деньги счет любят. Но люди неблагодарны — проклинали его, желали болезней, смерти. Вот и делай после этого им добро. Нет, несправедлива судьба...

Вам нравится вот это, бирюзовое? Оно принадлежало очень красивой женщине, матери большого семейства. Она была сама голубиная кротость, изумительная красавица с голубыми эмалевыми глазами. Кожа у нее была такая нежная и белая, что напоминала припудренную статуэтку. Да она и была такой. Дорогое украшение дома, за всю жизнь не сказала никому ни одного дурного слова. Была одинаково равна и приветлива и с друзьями своих друзей, и с их врагами. Просто удивительно, почему многие отвернулись от нее, ведь она так хотела быть хорошей для всех. Нет, неблагодарны люди, несправедлива жизнь...

Что? Оранжевое? О, это очень интересное сердце! Оно принадлежало невероятно религиозному человеку. Его сердце горело огнем любви к Богу. Вы бы слышали его пламен-

ные речи, когда он обрушивался на тех, кто не исполняет религиозных обрядов, каким праведным гневом горели его глаза против тех, кто не разделял его убеждений! К сожалению, у него оказались очень неблагодарные дочери. Он хотел для них только добра, подыскивал им хорошие партии. Разве его вина, что никто не был достоин его дочерей, и они так и не вышли замуж? Он доживал свой век с ними – этот святой человек! – а они – злобные старые девы поедом его ели. Не удивлюсь, если именно из-за них он отправился к праотцам раньше срока. Нет, несправедлива судьба...

Нет, это не очень интересный экспонат. Пройдемте дальше, у нас впереди масса интересного. Ну, хорошо, если вы так хотите, то, пожалуйста. Крохотное серенькое сердчишко. Вот, по отношению к нему, думаю, судьба не ошиблась. Это же было недоразумение, а не человек. Принадлежало оно старенькой учительнице. Была она какой-то странной. Ей, представляете, из деликатности было даже неловко жить, она постоянно просила прощения, за то, что стоит в очереди впереди других людей, за то, что плохо видит, и не может быстро сосчитать сдачу в магазине. Совсем серая, незаметная жизнь, и очень хорошо, что у нее не было своих детей – чему бы она могла их научить? Вот только совершенно непонятно, почему на ее похоронах так плакали дети и пришла куча народу. Наверно, бывшие ее ученики. Даже голуби, которых она подкармливала, слетелись. И кошки, и собаки прибежали. Сама бывало, могла не поужинать, а их кормила.

Ну, не чудачка ли? Да, причуд, у судьбы много. Эту серую никчемную мышь-старушку и сейчас вспоминают с доброй улыбкой, а тех замечательных людей, никто кроме их близких и не вспоминает. Нет, все же несправедлива судьба...

Ну, продолжим... Что, уже не хотите? Устали? А жаль! Нет ничего увлекательнее путешествия по человеческим сердцам. Вы прочитайте, об этом многие уважаемые люди писали. Ну, когда надумаете прийти снова, всегда пожалуйста, будем рады. Ведь наша коллекция с каждым днем пополняется. Уж поверьте, в этом музее всегда и всем будет интересно. А самое главное, он никогда не закроется...

Осеннее

О, какие длинные, безрадостные ночи. Осенние ночи, ночи философов. Вы смеетесь? Не надо. Это правда. Весенние, летние, даже зимние ночи – это ночи влюбленных и поэтов. Осенние ночи созданы для размышлений, и, как дождь барабанит по крыше, так в вашей душе стучит «Кто я? Что я?»

Часы отрезают время, вздыхая. Это старые часы, им жаль отрезать время, ибо уходит и их век, но у них нет другого выхода. «Кто я? Что я?» отстукивают они. Что они? Кусок старой жестянки с намалеванным циферблатом. Хорошенько шмякнуть об пол – и замолкнут навсегда! Но вы стираете с них пыль, бережно обходя каждую зазубрину. Они вам дороги. Это ваша память. Странная штука. Зачем она нужна? Это она крадет сон, неслышно, словно кошка, обнимая вас лапами. Вы вспоминаете все: ласку, обиду, боль, радость, звуки, запахи, прикосновения. И чем ярче память, тем яснее, что память взяла с собой самое лучшее. Молодость.

О, да, несомненно, впереди еще много хорошего. Жизнь, тихие радости, пресловутая мудрость, которая должна сопутствовать годам. Но хорошее не значит лучшее. Стан тяжелеет и с ним не подняться в сияющий полет.

В осенние ночи хорошо творить. «И пальцы тянутся к перу, перо к бумаге». Вы отжимаете свое воображение как мокрую простыню, и капли его рисуют на бумаге причудливый

узор. Вы на минуту рассекаете реальность. Вы – царь.

Царствуете вы недолго. До последней точки своего творчества. Всему на свете приходит конец. Это единственная непреложная реальность. И мы убегаем от нее в романы, повести, новеллы, очерки, рассказы, так же, как когда-то убежали в любовь.

Вы знаете самый короткий рассказ на свете? В нем всего шесть слов. Его написал Хемингуэй на спор, когда ему доказывали, что нельзя написать рассказ в несколько слов, так чтобы в нем были завязка, развитие, кульминация и развязка.

Хемингуэй написал такой рассказ и до конца жизни гордился им.

Вот он: «Продаются детские ботиночки. Даже не надевали.»

Что время? Что наши раздумья в осенние ночи, что наше творчество и воображение когда стоит на ветру старушка и держит на ладони ненадеванные детские ботиночки?..

И глаза ее сухи, но кто высушил их – ветер, боль или бедность никто не знает...

Светлана Андреевна Демеева

Пять минут до закрытия

Дама, пришла за пять минут до закрытия.

Кафе «Лето» находилось в уютном и прохладном уголке парка с аттракционами. Было тихо, аттракционы были уже закрыты, да и самым активным любителям острых ощущений было не до них. Завтра в школу. Набираться ума и знаний.

Сперва администратор собрался бесцеремонно удалить, как с неба упавшую посетительницу, но присмотревшись передумал.

Дама была в дорогом замшевом пальто и таких же рыжих сапогах. Шляпку из неизвестного ему материала украшала небольшая брошь. Руки были красиво сложены на коленях, а темно-зеленые перчатки лежали на столике рядом с маленькой сумочкой, похожей на мотылька, который сложил крылышки.

Рыжие локоны обрамляли белоснежное лицо, казавшееся почти прозрачным в полумраке.

– А глаза какого-то необычного зеленого цвета, как мох в лесу, – подумал администратор подходя ближе.

Дама была очень заметной. Ей не нужен был макияж, чер-

ты лица были очень выразительные и четкие. Если бы он ее видел раньше, запомнил бы обязательно.

Он решил обслужить ее сам, понимая что в такое время она не станет заказывать ужин. Было ровно десять часов вечера. Подошел поближе и спросил, —

– Простите мадам, вы что-то хотите заказать?

– Да, – спокойно ответила она ему.

– Я немного раньше пришла, меня еще не ждут, поговорите со мной, – сказав указала рукой на кресло напротив.

Он не смог ей отказать и присел. Дама заговорила первой, —

– Я каждый раз удивляюсь, почему люди зная что я приду, зная обо мне все, не узнают меня. Вот и вы не узнаете.

Очень многие знакомы со мной очень близко и давным-давно. Но вы еще очень молоды и встречаясь со мной не обращали внимания, быстро забывая.

Очень многие любили меня, не только мужчины но и женщины. Один дворянин был настолько очарован мной, что открыто признавался мне в любви, понимая что никогда не получит взаимность. Он был очень одаренный, его стихи не знают только невежественные люди. Но даже те, кто не любил меня писали и говорили обо мне очень часто. Женщины, соперничая со мной наряжались в мои любимые цвета.

А вот совсем недавно была написана очень красивая песня обо мне и для меня. Я слышу этот вальс очень часто, по-

что ежедневно. Этот вальс будут петь еще очень долго, может быть всегда. Такие песни бывают.

Она рассказывала, а он думал только об одном, не мог понять почему он ее не знает.

Почти два часа прошло незаметно. Было уже темно, на столе маленькой луной стоял фонарик, и в свете фонарика дама казалась еще интереснее и таинственней.

В двенадцать часов, она как Золушка встала, —

– Мне пора, я не люблю опаздывать, – сказала она и пошла очень быстро. Через минуту он уже не видел ее, только слышал шелест листьев и подумал, что только природа создает такие цвета и оттенки, какие бывают у осенних листьев, ни один художник, даже самый талантливый не способен создать такую роскошную палитру цвета. Люди не могут её повторить, как бы ни старались. Может потому, что люди тоже часть природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.